

дельные обороты речи, или метафоры, принадлежащие разным авторам и, видимо, цитируемые по памяти. Как правило, взятое у своих предшественников Кирилл всегда перерабатывал, подчиняя собственному художественному замыслу. Перед нами не литературное подражание в современном смысле этого слова, а проявление типично средневекового пуризма в вопросах формы — забота о «чистоте» жанра, стремление свои произведения поставить в прямую преемственную связь с общепризнанными образцами.

Свой вклад Кирилл Туровский как оратор внес и в развитие современного ему литературного языка древней Руси. Обращает на себя внимание необыкновенная гибкость, какую он сумел придать языку церковной письменности той эпохи; славянский язык оказался под пером Кирилла способным выразить все и скорбную лирику плача богоматери, и обличительный пафос отцов первого вселенского собора, и неизменно ликующий «восторг» самого автора. Вот пример, из которого следует, что средствами этого сугубо книжного языка Кириллу порою даже удавалось передавать строй живой разговорной речи. В слове пятом есть сцена встречи у Овчей купели Христа с расслабленным; на вопрос Христа, хочет ли он исцелиться, расслабленный отвечает так: «Ей, господи! Хотел бых, но не имею человека, дабы... ввергнл мя бы в купель. Но аще мя еси о здравии, владыко, вопросил, то крѣтце послушай моего ответа, да ти своя болезнь напасть исповеде. 30 и 8 лет на одре семь недугом пригвожден съ лежю. Мною вси глумятыся, аз же сугубо стражу: утрьду болезнь клещити мя, внеуду досадами укоризньки стужаю си». Язык Кирилла Туровского — типичный славянский язык древнерусского извода. Из лексического запаса этого языка он отбирал преимущественно то, что уже успело стать прочным достоянием древнерусской литературной речи; встречаются в языке Кирилла и слова, как кажется, чисто русские рядницы, присадити, съмясти, хупстися («въставити... хупеться»), уяти («ни у кого же вас уем мне дарова»), нетрудно, нехуде («нехуде опечалися»).

В одном из своих произведений Кирилл сетовал, что нет у него «огня святого духа», чтобы должным образом составить слово «Огня», быть может, и не было, зато было неоспоримое мастерство, которое уже современники оценили по достоинству. Слова Кирилла Туровского пользовались в свое время громкой известностью. Очень рано они были включены в сборники-антологии — «Торжественник» и «Златоуст», в составе которых вплоть до XVII в. и переписывались наряду с речами крупнейших классиков церковной ораторской прозы, — бережно и точно, редко подвергаясь редакционной переработке. «Златоуст, паче всех воссиявший нам на Руси», — писал о нем его древний биограф. В научной литературе существует предположение,⁶ что даже к лику святых Кирилл был причислен церковью (не позже, видимо, XIII в.) «и из соображений национального престижа», как выдающийся писатель, в искусстве «витийства» равный своим прославленным греческим предшественникам.

⁶ И. У. Бувдовниц. Общественно-политическая мысль древней Руси (XI—XIV вв.) Изд. АН СССР, М., 1960, стр. 268